

3 Кнапп, М. Л. Невербальные коммуникации / М. Л. Кнапп. – М. : Просвещение, 1978. – 110 с.

4 Костюков, А. В. Невербальная коммуникация: теоретические аспекты и культурные различия / А. В. Костюков // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2015. – № 1. – С. 15–25.

5 Эттингер, А. Невербальная коммуникация и ее роль в культуре Востока / А. Эттингер // Культурология. – 2006. – № 2. – С. 45–60.

6 Тихомиров, В. И. Невербальные знаки в русском языке и культуре / В. И. Тихомиров // Русский язык в школе. – 2018. – № 3. – С. 22–30.

УДК 94(476.2-21Ветка)«1685»:271.22-9«1685»

И. В. Журов

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ВЕТКА (XVII–XIX ВЕКОВ)

Статья посвящена рассмотрению истории основания и развития Ветки как важного центра старообрядчества в XVII–XIX вв. Представлены различные версии происхождения названия населённого пункта, показана роль Казимира Кароля Халецкого в привлечении старообрядцев, описывается история Ветки в обозначенный период. Приведены сведения о численности мужских и женских монастырей, отмечен вклад ветковских старообрядцев в развитие культуры.

Город Ветка был основан старообрядцами из центральной части России в 1685 г. (согласно другим источникам – в 1667 г.) на землях мозырского воеводы Халецкого в пределах Речи Посполитой, в пятнадцати верстах от российской границы. Название города образовано лексико-семантическим способом от географического термина «ветка», который использовался для обозначения небольшого острова, протяженностью не более двух верст в окружности. Сам остров получил название «Ветка» из-за пролива, отделявшего его от реки Сож. Пролив этот был подобен ветви реки [1, с. 121].

Существуют и народные толкования названия города: разветвленное русло реки Сож, напоминающее ветвь дерева; густые хвойные леса с переплетенными ветвями, находившиеся на месте поселения. Возможно, название символизировало образ Ветки как малой ветви Москвы. Старообрядцы, поселившиеся здесь, происходили из Москвы и во многом старались брать с ней пример, поэтому назвали главную площадь Ветки Красной. Согласно легенде, спасаясь от преследований, старообрядцы плыли по реке и, положившись на волю Божью, пустили по течению ветку дерева, чтобы определить место для своего будущего поселения. Когда волны вынесли ветку к левому берегу Сожа, старообрядцы, обнаружив заболоченную местность, построили свои первые дома на ближайшей возвышенности. На большом дереве у берега они установили икону, считая это место, отмеченное знамением, священным [1, с. 124].

Первые старообрядческие поселения на землях Казимира Кароля Халецкого появились в XVII в. Согласно документу, приведенному исследователем М. И. Лилеевым, Халецкий в 1684 г. просил стародубского полковника С. И. Самойловича не преследовать его подданных, выходцев из России. На землях Халецкого сформировался основной центр старообрядческой провинции с церковью и двумя крупными монастырями. Казимир Кароль Халецкий благосклонно относился к прибывающим старообрядцам, поскольку они осваивали заброшенные земли, тщательно их обрабатывали и платили ему оброк, что его вполне устраивало. Кроме того, он обещал защищать их всеми доступными ему средствами в случае необходимости. Вскоре Ветка стала пристанищем для

множества приверженцев «старой веры». В её окрестностях возникли слободы: Косецкая, Романовская, Леонтьевская, а в самой Ветке священники Козьма и Стефан (главы старообрядцев) проводили все богослужения, за исключением литургии [6, с. 26].

Удачное расположение ветковских слобод на территории Речи Посполитой и сравнительно лояльная политическая обстановка внушали старообрядцам уверенность в спокойной жизни. Эта уверенность укрепилась после расследования 1690 г. (секретарь комиссии А. П. Потей), которое не выявило угрозы со стороны старообрядцев для государства и церкви, что способствовало улучшению их материального положения. Ветка приобрела известность и уникальный облик благодаря старообрядцам, которые, поселившись в малопригодной для жизни местности, превратили её в один из крупнейших центров старообрядчества [3, с. 80].

К началу XVIII в. Ветка стала одним из главных мест проживания поповцев (одно из двух крупнейших направлений в старообрядчестве), численность которых достигала четырех тысяч человек. Здесь было основано несколько монастырей и скитов [2, с. 76].

В 1730-х гг. население города и прилегающих слобод насчитывало около 40 тысяч человек. Ветка принадлежала князю Альбрехту Николаю Радзивиллу, во владении которого также находились деревни Косицкая и Тарасовка, населенные старообрядцами. Эти владения Радзивилл получил в качестве приданого, женившись на Анне Халецкой. С 1772 г., после первого раздела Речи Посполитой, Ветка вошла в состав Российской империи и перешла во владение Станевичей [1, с. 130].

В 1760 г. российские власти располагали информацией о существовании двадцати слобод под властью киевского подкомория Халецкого на «польской стороне» близ российской границы, среди которых значилась и Ветка. В 1773 г. Ветка, как признанный центр старообрядчества, получила своего епископа Епифания, что способствовало укреплению её влияния в старообрядческой среде, а также процветанию окрестных слобод и монастырей.

Несмотря на два разорительных похода войск царского правительства, которые привели к сожжению Ветки (в 1735 г. с принудительным выселением 17 тысяч старообрядцев в восточные губернии России и в 1764 г. с переселением около 20 тысяч приверженцев «старой веры» в Сибирь), XVIII век стал периодом расцвета уникальной местной культуры. Именно в это время в Ветке сформировались особые традиции иконописи, получившие название «ветковская икона», сложились своеобразные методы оформления рукописных книг, а также возникла самобытная школа резьбы [4, с. 54].

В 1837 г. единоверческий монах Мелхиседек Якубовский по заданию епископа Саратовского Иакова составил документ «Краткая записка о раскольничих монастырях, вновь возникших сектах и прочих тому подобных». В нём, касаясь старообрядческих монастырей Ветки, он упоминает Лаврентьев, Пахомьев, Новоникольский монастыри, а также другие мужские и женские скиты, расположенные рядом со старообрядческими слободами. В Стародубье, по его сведениям, находилось четыре мужских монастыря, два мужских и три женских скита, а также четыре «пустыни». Относительно Ветки он привёл сведения о трёх мужских монастырях, не приводя точной информации о количестве мужских и женских скитов [5, с. 81].

Официальные данные Министерства внутренних дел России, считавшиеся более точными, указывали на меньшее число монастырей и старообрядцев в Ветке (четыре мужских – Лаврентьев, Макарьев, Пахомьев, Никольский (Новоникольский) и один женский), чем, надо полагать, было на самом деле. Это объясняется разрушением многих монастырей и скитов в 1764 г. [2, с. 166]. В Ветке помимо монастырей существовала женская старообрядческая община (колония) поповского толка. Согласно донесению архимандрита Могилевского Богоявленского училищного монастыря, в Ветке и окрестностях насчитывалось шесть монастырей и два скита. В донесении приводилась численность братии в некоторых монастырях: более 100 человек в Иоасафовском, 20 – в Пыханском, 40 – в Тырловском, более 50 – в женском монастыре при Спасовой слободе Гомеля и более 100 – в Ветковском [6, с. 112].

В конце XVIII – первой половине XIX вв. на территории Ветки существовало восемь мужских старообрядческих монастырей ветковского согласия и, предположительно, один женский монастырь, известный как «раскольничья колония» [4, с. 63].

К Ветковскому согласию принадлежали следующие старообрядческие монастыри: Лаврентьев, Пахомьев, Макарьев, Никольский (Новоникольский) и женский Ветковский монастырь. К этому же согласию относились Воронокский и Лужковские скиты, по своему устройству сходные с монастырями. В отличие от других старообрядческих общин России, где непрерывность священства была нарушена из-за необходимости скрытного существования в небольших скитах или даже в одиночестве, ветковские и стародубские монастыри сохранили непрерывную традицию монастырского иночества с момента своего основания [5, с. 70].

Таким образом, монастыри Стародубья и Ветки сохраняли традиции древнерусской духовной культуры, что определяло их важную роль для духовной жизни старообрядчества.

Литература

- 1 Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях / А. А. Горбацкий. – Брест : Изд-во УО «БрГУ им. А. С. Пушкина», 2004. – 237 с.
- 2 Дембовецкий, А. С. Опыт описания Могилевской губернии : в 3 кн. / А. С. Дембовецкий. – Могилев : Типография губернского правления, 1882. – Кн. 1. – 295 с.
- 3 Короткая, Т. П. Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая. – Минск, «Навука и тэхніка». – 115 с.
- 4 Кузоро, К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.) / К. А. Кузоро / под ред. Е. Е. Дутчак. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – 182 с.
- 5 Кожурин, К. Я. Культура русского старообрядчества (XVII–XX вв.) : в 2 ч. / К. Я. Кожурин : учеб. пособие. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – Ч. 2. – 148 с.
- 6 Лилеев, М. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии / М. И. Лилеев. – СПб. : тип. В. С. Балашева, 1880 – 308 с.

УДК 141.32:572:17.021.2

K. A. Кижнеров

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ФИЛОСОФИИ И ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ УЧЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ

Статья исследует антропологический поворот в философии XX века, вызванный кризисом классических представлений о человеке. Рассматриваются постклассические концепции, подчеркивающие свободу, уникальность личности и роль бессознательного, а также современные вызовы технологий. Ставится под сомнение возможность создания единой теории человека, отмечая её принципиальную «неопределенность». В заключении человек трактуется как вечное становление, выходящее за свои пределы.

В XX в. ситуация «антропологического кризиса», связанная с осмыслением опыта мировых войн, экономических, социальных, экологических проблем, актуализировала проблему бытия и смертности не только отдельных индивидов, но и человечества как рода. Этот кризис, в отличие от предыдущих исторических потрясений, поставил под сомнение саму возможность рационального определения человека. Антропологический кризис 1920–1940-х гг. (межвоенной эпохи) способствовал антропологическому повороту в философии, сводившему онтологические проблемы к проблемам человеческого